

13. «Я глубоко верю в Россию...» (Письма Всеволода Иванова Алексею Толстому) [вступительная заметка, публикация и комментарии Е. Погорельской] // Вопросы литературы. – 2007. – № 2. – С. 337–347.

Ткаченко К.

– кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры русского языка и литературы Донбасского
государственного педагогического университета

УДК 82.00

**НАРОД, ГОСУДАРСТВО И СЕМЬЯ КАК СУБЪЕКТЫ ЭПИЧЕСКОГО
КОНФЛИКТА В «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКЕ» А. С. ПУШКИНА.**

В статье исследуется художественное своеобразие последнего произведения А. С. Пушкина, уникальность его повествовательной структуры, особенности хромотопа «Капитанской дочки», организации художественного мира, своеобразие эпического конфликта.

Ключевые слова: эпический конфликт, сообщество, эпический персонаж, иерархия, хромотоп.

Ткаченко К.

– кандидат філологічних наук, старший викладач кафедри
російської мови та літератури Донбаського державного
педагогічного університету

**НАРОД, ДЕРЖАВА ТА РОДИНА ЯК СУБ'ЄКТИ ЕПІЧНОГО
КОНФЛІКТУ В «КАПІТАНСЬКОЇ ДОЧЦІ» А. С. ПУШКІНА**

У статті досліджується художня своєрідність останнього твору О. С. Пушкіна, унікальність його оповідної структури, особливості хромотопу «Капітанської дочки», організації художнього світу, своєрідність епічного конфлікту.

Ключові слова: епічний конфлікт, співтовариство, епічний персонаж, ієрархія, хромотоп.

Tkachenko K.

– Candidate of Science (Philology), Senior Lecturer, Department of
Russian language and the literature of Donbass State Teachers' Training
University

**PEOPLE, NATION AND FAMILY AS SUBJECTS OF THE EPIC
CONFLICT IN THE «CAPTAIN'S DAUGHTER» BY PUSHKIN**

The article investigates the artistic originality of the last works of Pushkin, the uniqueness of its narrative structure, of «Captain's Daughter», the organization of the art world, the uniqueness of the epic conflict.

Conflict of state and the people did not unfold itself, not in the direct collision, as it were, «through», in the framework of explicit claims of the state and the people's suitability as a substitute whole family social organisms. We can say that this conflict is a competition for the best absorption of organic forms of community: the family.

Key words: epic conflict, community, epic character, hierarchy, time-space.

Постановка проблеми. Актуальною проблемою для
определения художественного своеобразия литературного

произведения являются характеристика художественного конфликта и способа его разрешения в произведении, которое выбирает автор для воплощения своего замысла. «Капитанская дочка» является интересным материалом для исследования, т. к. сложность организации хронотопа, особая позиция главного героя, участника исторических событий, через судьбу которого видна не только его личная судьба, но и народная. Своеобразие эпического конфликта в рассмотренном нами ракурсе позволяет увидеть с новой стороны художественный замысел великого поэта.

Анализ последних публикаций. Объектом исследования выбраны работы Л. Квашиной, К. Гея, К. Эмерсон, которые содержат разные точки зрения на художественный конфликт пушкинского произведения, а так же на организацию художественного пространства романа.

Цель статьи – охарактеризовать художественный конфликт произведения А. С. Пушкина «Капитанская дочка».

Изложение основного материала. Излюбленная А. С. Пушкиным ситуация несовпадения героя с самим собой и проистекающие из нее коллизии в полной мере реализовались в «Капитанской дочке». Несколько отвлеченное «превышение» человеком самого себя получает в повествовании вполне конкретное, если не сказать – карикатурное воплощение: «Матушка была еще мною брюхата, как уже я был записан в Семеновский полк сержантом, по милости майора гвардии князя Б., близкого нашего родственника. Если бы паче всякого чаяния матушка родила дочь, то батюшка объявил бы куда следовало о смерти неявившегося сержанта и дело тем бы и кончилось» [2, с. 244].

Итак, еще не родившийся Петр Гринев уже – сержант гвардии. (Так названа первая глава «Капитанской дочки»). Это анекдотичное обстоятельство является самой непосредственной иллюстрацией превышения человеком самого себя. При всей комичности этой ситуации, она наглядно демонстрирует специфический принцип взаимоотношений автора и героя. Автор – как запредельный инициатор существования героя – замещается в его «сознании» равно запредельным родственником, обеспечивающим для героя место в государственной иерархии. Если рассматривать завязку действия в занимающем нас ракурсе, следует особо отметить этот факт: в гвардию Петра определяет близкий родственник. Государство как специфический тип иерархии претендует на не родившегося еще члена «посредством» семьи, используя внутрисемейные связи.

Таким образом, становится видимым конфликт между различными типами иерархий, сообществ, представляющийся нам

первичным внутренним конфликтом.

Эпическим персонажем по преимуществу является человеческое сообщество как субъект бытия. Под сообществом же мы понимаем не совокупность физических индивидов, расположенных друг от друга в преодолимых пространственно-временных пределах. Любое сообщество организовано в соответствии с тем или иным иерархическим принципом. Именно по типу иерархии сообщества принципиально различаются. В целях проведения нашего анализа укажем три основных типа сообществ по принципу иерархической связи между их участниками. Это, во-первых, естественная, природная иерархия, основанная на естественно присущих тому или иному индивиду преимуществах или недостатках. Такое сообщество сохраняет самотождественность во времени и пространстве благодаря натуральному, биологическому родству. Такой тип иерархии присущ народу как типу сообщества.

Другой тип иерархии можно обозначить как формальный. В сфере актуальности такого рода иерархических связей естественная иерархия существенно ослаблена, достоинства и недостатки индивидов не имеют непосредственного отношения к их месту в иерархии, индивид определен к тому или иному месту в иерархии сложившимся порядком взаимосвязей внутри сообщества, порядком, на определенном этапе развития теряющим связь с естественной иерархией человеческих достоинств (преимуществ). Тип сообщества, соответствующий такой иерархии: государство. Здесь уместно вспомнить известный пассаж из «Повестей ... Белкина»: «... долго не мог я привыкнуть и к тому, чтоб разборчивый холоп обносил меня блюдом на губернаторском обеде. Ныне то и другое кажется мне в порядке вещей. В самом деле, что было бы с нами, если бы вместо общеудобного правила: чин чина почитай, ввелось в употребление другое, на пример: ум ума почитай? Какие возникли бы споры! и слуги с кого бы начинали кушанье подавать?» [2, с. 98]. Учреждение формального сообщества способствует введению в стабильный формат стихийного – естественного – соперничества, в том числе, антагонистического: как в случае иронически описанного А. С. Пушкиным соперничества умов.

Следует, однако, заметить, что народ и государство – изначально антагонистические типы сообществ. Конфликт между народом и государством, будучи антагонистическим, неизбежно разрешился бы полным уничтожением одной из сторон-участников. Однако конфликтное событие этих сообществ длится постольку, поскольку существует третий тип иерархии, компромиссный в известном смысле, к овладению которым, точнее, к перерождению в который стремится и народ, и государство. Семейная иерархия

коренится в добровольном родстве: природное (задача продолжения рода) и человеческое (свобода в выборе супруга) входят в семью в благотворный синтез, умеряющий как инерцию народа, так и экспансию государства.

Представляется, что эти три субъекта эпического повествования: государство, народ и семья – и входят в сложный конфликтный хронотоп «Капитанской дочки». Семья в нашем исследовании – тип человеческой общности, превосходящий по своему внутреннему масштабу народ и равномошный «соперник» государства.

Повествование в «Капитанской дочке» начинается, как мы уже отмечали, с констатации конфликта между государством и семьей. Можно обозначить эту ситуацию еще резче: для государства нет семьи, или точнее: государство не считается с семьей как органичным институтом власти, самоуправляемым и социально активным. Если не антагонизм, то, во всяком случае, крутое соперничество государства и семьи сказывается на судьбах героев не только и не столько в прямых столкновениях с представителями власти, например. Такие столкновения происходят на фабульном уровне, представляют собой изображаемые события. Едва ли не более значимыми являются факты опосредованного проникновения государства в лоно семьи: достаточно вспомнить, что мнимая измена Петра Андреевича, мнимое государственное преступление едва ли не «автоматически» влечет за собой отлучение его от семьи – отцовское проклятие. Здесь напрашивается умозаключение в том роде, что конфликт между государством и семьей продолжается во внутрисемейном конфликте. Итак, экспансия государства не встречает на своем пути никакого сопротивления. Однако, в случае отсутствия противоборствующего субъекта, противостоящего этой экспансии, мы вряд ли могли бы говорить о самой экспансии. Очевидно, мы должны в настоящий момент дать себе ясный отчет в том, на что (на кого) направлена эта экспансия.

Судить об этом можно, обратив внимание на один из самых многозначительных эпизодов «Капитанской дочки»: сон Петра Гринёва.

Ни один, пожалуй, из исследователей не обошел вниманием этот эпизод. Л. П. Квашина в очень содержательной работе «Мир и слово «Капитанской дочки» пишет: «Сон чрезвычайно важен для понимания характера героя и логики последующего сюжетного развития. Но более того, нам представляется, что в контексте произведения сон – это принципиально важная для эпической природы сцена, своего рода центр, поясняющий масштаб, адекватный эпическому целому» [1, с. 228]. В самом деле, фантазмагория сна, в котором Петр возвращается домой и

встречается со страшным бородатым мужиком, проясняет, или, во всяком случае, значимо оттеняет самую суть эпической коллизии.

С нашей точки зрения, развитие конфликта выглядит следующим образом. Экспансия государства в семью Гриневых приводит к тому, что Петр Гринев оказывается вне пределов семьи во всех смыслах слова: отец отправляет его строить собственную жизнь. Но дело в том, что хронотоп эпоса плотен и насыщен: бытие вне сообщества в пределах эпоса немыслимо. Соответственно, Петр Гринев, оказавшись вне семьи, попадает в сферу конфликта двух антагонистов: народа и государства. Фигура посаженного отца во сне Гринева: «попытка» народа навязать ему новое, семейное родство. С нашей точки зрения, сон Гринева символическим образом демонстрирует не только отказ Петра подчиниться другому отцу, но и желание страшного мужика стать отцом – учредить семью. Своим отказом в обоих случаях Петр Гринев удостоверяет отказ более глубокого содержания: отказ от новой семьи с новым ее главой, новым отцом.

Выводы. Таким образом, конфликт государства и народа разворачивается не непосредственно, не в прямом столкновении, а как бы «сквозь», в рамках явных притязаний и государства, и народа на пригодность в качестве целиком заменяющих семью социальных организмов. Можно сказать, что этот конфликт представляет собой соперничество за усвоение наиболее органичной формы сообщества: семейной.

Итак, предельное конфликтное состояние, доступное нашему наблюдению, точнее, аналитическому предположению, с учетом того, что мы исходим из наличия трех субъектов конфликтного эпического бытия, – это внутренний конфликт государственной иерархии, завязка которого совпадает с присвоением не родившемуся Петру Гриневу звания гвардии сержанта. Это экспансия государственной иерархии, «казенного интереса» в пределы семейственности и является первичным импульсом к учреждению и развитию эпического конфликта.

Ближайшим этапом на пути к разрешению конфликта, к достижению идеала, гармоничного состояния мира представляется создание семьи, а точнее осуществления союза между Машей Мироновой и Петром Гриневым.

Литература

1. Квашина Л. П. Мир и слово «Капитанской дочки» / Л. П. Квашина // Московский пушкинист. – М. : Наследие, 1996. – С. 202–269.
2. Пушкин А. С. Романы и повести. Путешествия / А. С. Пушкин. – М.; Л. : АН СССР, 1948. – 496 с. – (Полное собрание сочинений, 1837–1937: в 16 т. / А. С. Пушкин : Т. 8).